***

Что во мне моего и есть ли моё вообще. Мама
учила выбирать одежду из натуральных тканей,
папа – прощать людей
за то, что они болваны.
Дедушка твердил про добро и духовную силу,
бабушка в ванной мне руки мыла,
о том о сём бубнил из комнаты «Электрон».

У меня три поросёнка,
подвиги Айболита,
пропущенные через какое-то личное сито,
сменившие очертания и размер –
но зато
это только моё теперь.

***

Мертвецы смотрят на меня с книжных полок.
у Евтушенко натягиваются струны-скулы,
у Ковальджи брови-вихры взметнулись.
потому что были
города, вырастающие из художественной детали,
голоса, обрастающие человеческим силуэтом.

Остаются узоры души на витрине мира.
До сих пор сверкает стекло отражённым светом.

***

Хрустальные глаза звезд над синими деревнями,
троится оконная рама вагона,
через моё лицо стелется линия горизонта,
снег длится,
ночь длится,
жизнь длится.
Человеческий силуэт, мелькающий в соснах, -
размером с отражение моего носа.
Белые хлопья
летят сквозь раскладной столик.
Ложка звенит в стакане.
Люди сопят в вагоне.
Гудок рассекает время.

Сонная проводница подходит ко мне не спеша:
«Всё,– говорит, – выходите,
ваша».

***

Говори, говори – слова бурят изнутри
дыру в голове – обнажают черепную кость,
и будет тогда в мою кроличью нору
стекать - кисель космоса, ягоды звезд,
и будут потом виснут гроздьями с лоз,
звёздная залежь космических гнёзд.
Пока я молчу, голова – тюрьма.
Зима.

Тени ворон гаркают на кресте
на лунный обмылок, плавающий в черноте.
Хрущёвки и сталинки,
вмерзающие в керамику,
хруст вязнущего в снегу валенка.
Запах водки от пэтэушника,
петляющего между бараками.
Это всё тоже оттуда, из звёзд, из гнёзд -
просто пока не нашедшее
голов,
ртов
и пока
не ставшее ягодами
стихов.

***

Может быть, ничего и нет.
Даже комнаты, в которой свет
из не зашторенного окна.
Ничего нет, кроме меня.
Может, я не по снегу иду,
а по облакам рыхлым бреду,
блестящие вороны на лету
проглатывают хлебный мякиш.
– Страшно, – сама себе говорю, –
слишком уж белизна бела,
слишком заснеженность тяжела
за колеёй.
Может быть, эти глухие места –
мной оживлённая
пустота?
И жизнь, оживлённая мной.
И если замёрзну — я ли умру
или – в моей голове голоса
и образы выключатся, а я
просто открою чужие глаза.